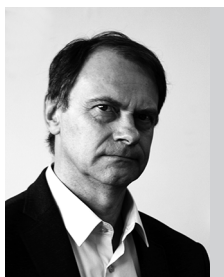

УДК 128:165.9

УЧЕНЫЙ В ПОЛИТАРНОМ СОЦИУМЕ: СОПРЯЖЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И СМЫСЛОЖИЗНЕННОГО ДИСКУРСА

Васечко Вячеслав Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Аннотация

При всей уникальности, индивидуальной окрашенности и неповторимости жизненного опыта каждого отдельного ученого процесс поиска им жизненного смысла вполне может быть предметом полноценного категориального философско-научного изучения. Общие социальные условия, характеризующие статус той или иной профессии, определяют сходство и персонального экзистенциального дискурса, и используемых разными индивидами методов, и получаемых результатов. Существенно общие черты между положением профессиональных ученых в политарных социумах (Древние Египет и Вавилон, древние и средневековые Индия и Китай, средневековые арабо-мусульманские государства) дают достаточные основания для сравнения постановки и решения вопросов о цели и смысле жизни людьми, разделенными тысячами километров, сотнями лет, равно как и политическими, языковыми, религиозными и прочими барьерами.

Ключевые понятия:

политаризм, ученый, профессиональный дискурс, смысложизненный дискурс, Омар Хайям.

*О, если бы познать, кто я! Хотя бы раз
Постигнуть, для чего скитаюсь я сейчас?
Спокойно зажил бы, отраду обретя,
А нет – заплакал бы я тысячами глаз.*

Абу Али ибн Сина [1]

Вряд ли стоит оспаривать тот тезис, что занятия естественными науками (включая математику, без активного использования методов которой серьезное познание природы невозможно) и размышления о смысле и предназначении собственного персонального Я – это достаточно различные виды деятельности. Уже то, что первое – удел весьма немногочисленных и увлеченных профессионалов, а второе так или иначе затрагивает любого мало-мальски мыслящего индивида, делает эти формы познания предметами разных и зачастую мало склонных к диалогу отраслей философско-научной рефлексии. И все же, поскольку дело в обоих случаях касается именно деятельности *познавательной*, и поскольку последняя может совершаться *одним и тем же субъектом*, выяснение ее специфики, на наш взгляд, представляет немалый философский интерес.

Для профессионального ученого, занятого раскрытием тайн мироздания, рано или поздно встает вопрос о его личном, уникальном месте в складываемой им и его коллегами и предстающей его умственному взору картине. При этом, делая объектом познания самого себя, ученый, естественно, не перестает быть ученым, и потому его персональный и незаемный смысложизненный дискурс будет, в известном отношении, частью и продолжением дискурса профессионального. Те качества, которые определяют его принадлежность к цеху научных работников, никуда не исчезают, если он по каким-то причинам заинтересовывается самим собой. Критичное отношение к используемой информации (откуда бы она ни исходила), проверка ее и перепроверка, стремление опираться на твердую эмпирическую базу, рационально-логическое ее осмысление, обнаружение и разрешение противоречий и парадоксов, – это и многое другое из того, что характеризует его как профессионала и определяет формы и стиль его мышления, остается при нем и тогда, когда от поиска смыслов и причин феноменов внешнего мира он обращается к проблеме собственного бытия среди исследуемых им феноменов.

Хотя личный опыт человека (бытовой, коммуникативный, гендерный, религиозный и всякий иной, включая, разумеется, и профессиональный), как и тот дискурс, посредством которого он осмысливается, всегда сохраняют черты индивидуальности и неповторимости, сходство объективных факторов, влияющих на разных индивидов, позволяет генерализировать и этот опыт, и этот дискурс. Благодаря близости социальных условий и общности социальных функций, которые выполняют люди, разделенные пространством и временем, языковыми, конфессиональными, государственными и прочими барьерами, оказывается возможным вести речь об общем направлении ведущихся ими экзистенциальных поисков, о сходстве используемых ими здесь методов и получаемых результатов. А материалом, на базе которого выполняется указанная выше генерализация, становятся тексты биографического и автобиографического характера, равно как и тексты сугубо научные, в которых личность автора также не могла не проявиться, пусть и делал он это в формате и с учетом специальных норм профессионального дискурса.

Наш анализ будет более конкретным и продуктивным, если мы более или менее строго очертим границы и признаки тех социумов, в которых выпадает жить и действовать человеку, который, как выразился Омар Хайям, «познание сделал своим ремеслом». Так, весьма аналогичными оказываются условия, в которые ставят первых профессионалов «от науки» новорожденные цивилизации.

Общность экономического, социального и политического строя, существовавшего на огромной территории в течение тысячелетий, логично потребовала отражения ее в определенных концептах, каждый из которых оказывался в той или иной степени ущербным: «азиатский способ производства» К. Маркса [15; 16] (а как быть с Египтом или доколумбовыми цивилизациями Америки?), «гидравлическое общество», или «ирригационная империя» К. Виттфогеля [9, с. 54; 12, с. 15–17] (но ведь не повсеместно имела здесь место высокотехнологичная ирригация – в крито-минойской, например, культуре или у тех же ацтеков и инков!), «олимпийская культура» М.К. Петрова [20] (особенности религии одного из социумов такого типа здесь могут экстраполироваться на все остальные, и порой рискованно), «традиционное общество» (стирается разница между цивилизацией и первобытностью), «дворцовые цивилизации», «речные цивилизации» и т. д.

Думается, более предпочтительными следует считать термины, подчеркивающие доминирующую роль в функционировании данных социумов *государственно-бюрократического аппарата*, независимо от его отношения к технико-экономическому базису, религиозной догматике или чему-либо еще. Например, «этатизм», или «этакратизм» (от фр. État – «государство») (он же «statism» в англоязычных текстах) [4], «политарный способ производства» (от др. – греч. «полития» – то же государство) – с уточнением, что под «политаристами» следует разуметь чиновников-бюрократов, а под «политархом» – стоящего в их главе правителя-самодержца [27, с. 52–58]. Последним термином мы в дальнейшем и будем пользоваться, не забывая, конечно, что элементы политаризма (=этатизма) можно обнаружить и в современных социумах, даже самых просвещенных и продвинутых. В качестве наиболее типичных социальных систем такого типа будут рассматриваться Древние Египет и Междуречье, древние и средневековые Индия и Китай, а также средневековые государства мусульманского Ближнего и Среднего Востока.

Очевидно, что прото- и новорожденная наука в собственном смысле (если под этим понимать регулярные и систематические наблюдения за явлениями природы и первые попытки их обобщений и предсказаний на базе математических вычислений) находится под жестким государственным контролем и потому весьма уязвима: как только прекращается «государственный заказ» для той или иной ее области или, тем паче, она попадает в опалу, происходит достаточно быстрая ее деградация. Тем не менее, если вести отсчет профессиональной научной деятельности с занятий жрецов при дворах первых месопотамских царей и египетских фараонов, на протяжении, как минимум, четырех тысячелетий ее традиция не прерывалась, продолжая пусть и медленно, и с многочисленными случаями утраты уже полученного знания, но все-таки развиваться. Потребность политарного социума в знатоках и профессионалах может существенно меняться даже при простой смене первого лица в государстве, будучи зависимой от его предрассудков, прихотей и привычек, но она никогда не исчезает. И хотя далеко не каждого из этих корифеев можно считать подлинным ученым, ибо большинство их ограничивается ролью хранителей и толкователей готового и ранее известного знания, но именно среди этой когорты появляются те, кто способен на прорыв, способен сделать шаг вперед и обогатить копилку знаний человечества чем-то качественно новым.

При дворе каждого политарха (или «восточного деспота» в терминологии Виттфогеля) образуется компания интеллектуалов, которые ценятся не за их административные таланты, а за те их знания, которые слишком сложны и мало понятны как для остальных вельмож, так и для самого правителя. При дворах китайских императоров и владетельных особ формируется штат людей, которые выполняют одновременно функции алхимиков, магов и астрологов и становятся носителями протонаучного, а затем и собственно научного знания [28, с. 120]. В эпоху Чжаньго (403–221 гг. до н. э.) «правительство использует и направляет деятельность геомантиков, прорицателей, астрологов, географов, математиков и врачей. Записи их первых наблюдений вырезаются на кости» (30, с. 173). Персидские цари, чтобы решить, когда именно добавить в календарь тринадцатый месяц, заблаговременно собирают с разных концов страны «вычислителей, книжников, передатчиков преданий, рассказчиков» и т. д., тратя на их содержание немалые государственные средства [3, с. 58–59]. В Египте при трех Птолемеях эта компания придворных академиков выглядит так: «филологи («грамматики»), историки, географы, математики, астрономы, философы, поэты» [5, с. 276]. В XII веке в Средней Азии мы обнаруживаем аналогичную картину: ученый, если он не был состоятельным человеком, мог регулярно заниматься наукой, лишь занимая при дворе правителя одну из четырех должностей – дабира (секретаря), поэта, астролога или врача [18, с. 32].

Для того чтобы решить проблему, непосредственно волнующую лично его, ученому поневоле приходится заниматься многими вещами, имеющими мало общего с наукой: изыскивать материальные и технические средства, находить контакт с правителем и с другими влиятельными персонами, участвовать в придворных интригах, воевать с конкурентами, среди которых нередко оказываются собратья по профессии, и т. п. Наука требует жертв, и они порой оказываются настолько чрезмерными, что ученый вслед за Хайямом готов отказаться от всех сомнительных прелестей придворной жизни:

*Лучше власть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладями
За столом у мерзавцев, имеющих власть [19, руб. 21].*

Причем и сам отказ от государственной службы может быть истолкован как измена со всеми вытекающими отсюда последствиями, о чем свидетельствует судьба двух ученых братьев-отшельников, которых правитель царства Ци (о чем с одобрением рассказывает легист Хань Фэй-цзы в XXXIV главе своего трактата) приказал убить, поскольку: 1) их нельзя использовать; 2) на них невозможно подействовать наградами и наказаниями; 3) они неверны ему, так как не хотят служить [26, с. 90]. Или участь Хуа То, выдающегося врача эпохи Троецарствия (II–III вв.), вылечившего деспота Цао Цао от сильной головной боли и казненного своим пациентом за отказ остаться у него на службе [30, с. 201].

Очевидно, что ученый, работающий в этагистском социуме, ставит во главу угла раскрытие тайн Природы как физической реальности (решая попутно математические проблемы, что может выступать для него как самоцелью, так и средством при выполнении заказов других естественнонаучных дисциплин –

чаще всего астрономии). Однако в своем смысложизненном дискурсе он не может не соотносить свою деятельность с тем, чем заняты другие люди: чтобы понять самого себя и разобраться в своем Я, ему необходимо определиться и с тем, какова социальная роль той сравнительно немногочисленной профессии, к которой он себя относит. Идентификация себя как личности не может состояться без идентификации себя как представителя корпорации ученых.

История свидетельствует, что этот процесс нередко происходит весьма болезненно. Общество, волю которого в условиях политаризма обычно олицетворяет правящий самодержец и его фавориты, порой, просто не может оценить ученого даже с вещественной, прагматической точки зрения. Оно может зарывать в землю лучшие свои таланты (порой, делая это в буквальном смысле, как Цинь Шихуан, распорядившийся закопать живьем 460 ученых, не угодивших лично ему [11]). Оно в лице своих владык-политархов ведет себя подобно Ликургу, изгнавшему из Спарты «бесполезные и лишние ремесла» [21, с. 100] или деспоту из «Книги правителя области Шан», который убежден, что «Образование ведет <...> к тому, что страна беднеет и армия ослабевает», и обеспокоен тем, что в государстве расплодятся бесполезные паразиты, к числу которых он относит всех, не занятых физическим трудом и военным делом [10, с. 151; 23, с. 50–52]. Оно не протестует (открыто, во всяком случае) против таких, например, акций, как закрытие византийским императором Юстинианом в 529 году просуществовавшей девять веков Афинской академии (как «языческой мерзости») и издание им закона «Относительно математиков, звездочётов, предсказателей, и подобных им злодеев» [31; 5, с. 454], который уравнивал, по сути, всех ученых с обычными астрологами-шарлатанами и ставил их вне закона.

Но и откровенно потребительское отношение к его труду вряд ли дает индивиду, если он критичен, последователен и обладает высокой самооценкой, достаточный психологический комфорт (подробнее об этом: [6]). Ибо сознание того, что он приносит своей стране, обществу и правителям некоторую пользу (или, во всяком случае, то, что они *считают* пользой), не избавляет его от потребности в личном смысложизненном самоопределении.

Отрезвляющим фактором для ученого может стать и неадекватная оценка его открытия теми, кто, казалось бы, по роду своей деятельности должен был это сделать – коллегами, работающими в той же области, что и он. История политаризма показывает, что эвристический потенциал теории, слишком опередившей свое время, оказывается недоступным современникам ее автора и даже последующим поколениям ученых. Такая теория исчезает из научного дискурса и, как следствие, из универсума культуры вообще, в лучшем случае сохраняясь в виде не востребуемых текстов и дожидаясь своего переоткрытия. Как указывает Ван-дер-Варден, исключительно зрелые и глубокие идеи Архимеда и александрийских математиков эпохи эллинизма, увы, не нашли продолжения у их потомков, а их труды были либо утеряны, либо считались необычайно трудными и большей частью не читались [5, с. 358–359]. В Китае не получали должного признания и развития не только некоторые прогрессивные математические новшества, заимствованные у индийцев и арабов [2, с. 74], но и многие идеи своих земляков, живших несколькими веками ранее: «Китайские математики, обрабатывая древние и средневековые тексты, сами обнаруживали

неожиданно для себя удивительные результаты, полученные их предками» [2, с. 3]. А ученые арабо-мусульманского Востока при всем своем уважении к такому гению-универсалисту XI века, как Бируни, не смогли оценить по достоинству ни его теорию картографической проекции [22, с. 208], ни его фундаментальное медицинское сочинение «Фармакогнозия» [22, с. 237], ни его математические идеи, относящиеся к общим свойствам функциональных зависимостей и методам их исследования [22, с. 83–84].

Только *антиутилитарная* установка позволяет ученому эмансипироваться от давления социального окружения и не превратить себя в орудие в чужих руках, из которого стремятся выжать все, что возможно, и которое выбрасывают, когда не знают, что с ним делать дальше. Благодаря этой установке он выправляет и уточняет вектор своей экзистенциальной работы, не теряя, однако, способности и вкуса к своей профессиональной деятельности.

То, что интерес к собственной личности отнюдь не лишает интеллектуала интереса ко всему, что есть вне и помимо нее, может быть наглядно проиллюстрировано парой примеров. В китайской культуре, например, нет учения более индивидуалистического, чем даосизм. Ранний даос Ян Чжу (V–IV вв. до н.э.) прославился своим отказом помочь миру хотя бы одним своим волоском [13, с. 370]. Пафос классического трактата «Чжуан-цзы» (IV–III вв. до н.э.) – отрицание утилитарного подхода к вещам, будь это человек, животные, неодушевленные предметы или даже мысли. «Все знают пользу полезного, но никто не знает пользы бесполезного» [29, с. 86]. «Лишь когда понята бесполезность мысли, можно постичь ее предназначение», «Вещи ценятся не за то, что они есть, а за то, что их нет» [14, с. 81, 179], – констатирует Чжуан-цзы. Всё в мире самодостаточно и самобытно: «Я существую сам по себе, другие таковы сами по себе» [14, с. 166], – поясняет комментатор Чжуан-цзы Го Сян (252–312). И такие радикальные максимы не могли не возмущать практически ориентированных ученых мужей типа Сюнь-цзы, для которого Чжуан-цзы не более как «скользящий говорун», или Сыма Цянь, назвавший его книгу «пустыми речами, оторванными от действительности» [14, с. 286–287].

При всем этом даосская философия, как отмечают современные исследователи, превосходно уживалась с различными видами практического знания (магия, медицина, политика, искусство, технология, этика) [14, с. 284; 7, с. 240–258]. И более того, по мнению такого авторитетного специалиста по китайской культуре, как Дж. Нидэм, именно влиянию даосских мудрецов Китай обязан своими многочисленными научными и техническими открытиями [24, с. 73–75; 25, с. 80–81; 8, с. 119–140]. Стремление даосов видеть вещи (и людей в том числе) такими, каковы они есть, а не под углом зрения того, что и как с них можно иметь, оказалось для науки (китайской, по крайней мере) более плодотворным, чем прагматизм иных традиционных школ, включая официальное конфуцианство.

Другой яркий пример – творчество Омара Хайяма, с которым в литературном дискурсе мало кто может сравниться в напряженности постановки экзистенциальных проблем и переживания остроты границы между жизнью и смертью. «Смысла в жизни ищи до конца своих лет» [19, руб. 35], пусть она и есть «краткосрочный кабальный заем» [19, руб. 137], «Для чего этот облик мне скульптором дан?» [19, руб. 113], «Для чего я родился на свет, если в мире все равно ничего изменить не могу?» [19, руб. 142], – эти и им подобные вопросы и сентенции

то и дело сочетаются с признанием тщетности собственных надежд и желаний, да и ценности занятий самой наукой («Смысла нету, поверь, в изученье наук!» [19, руб. 31], «Лживой книжной премудрости лучше бежать!» [19, руб. 201], «Все советы земных мудрецов – как вода...» [19, руб. 205]). Кажалось бы, эти два рода занятий – написание рубаи и сочинение математических и астрономических трактатов – настолько далеки друг от друга, что неудивительно бытовавшее долгое время в Европе заблуждение, будто существовало два совершенно разных Омара Хайяма – поэт и ученый [23, с. 7–8]. Однако при глубоком рассмотрении очевидно, что парадокс этот лишь кажущийся: перед нами – одна и та же личность, которая хоть и не может удовлетвориться полностью ни раскрытием тайн Природы (ибо видит, как решение той или иной проблемы неизбежно влечет за собой новые загадки), ни каким-то определенным ответом на свои вопрошания о цели и сути своей экзистенции, но при этом не может жить ни без того, ни без другого, тем не менее, продолжает свою старательную работу в обоих указанных направлениях.

1. Авиценна (Абу Али ибн Сина). Рубаи [Электронный ресурс] // URL: <http://avicenna-sina.narod.ru/rubai.html>.
2. Березкина Э.И. Математика Древнего Китая. – М.: КРАСАНД, 2010. – 312 с.
3. Бируни. Памятники минувших поколений // Бируни. Избранные произведения. Т.1. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 488 с.
4. Быченков В.М. Этанализм // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy.
5. Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука: Математика Древнего Египта, Вавилона и Греции. – М.: URSS. 2010. – 458 с.
6. Васечко В.Ю. Утилитарность и сверхутилитарность как параметры экзистенциального самоопределения ученого в этатистском социуме // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 5–10.
7. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2001. 488 с.
8. Киктенко В.А. Историко-философская концепция Джозефа Нидэма: китайская наука и цивилизация. – Киев: НАН Украины; Институт востоковедения им. А. Крымского, 2008. 530 с.
9. Китайская философия: Энцикл. словарь. – М.: Мысль, 1994. 652 с.
10. Книга правителя области Шан. – М.: Ладомир, 1993. 392 с.
11. Конфуцианство [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Конфуцианство>.
12. Латов Ю.В. «Восточный деспотизм» К.А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 8–37.
13. Ле-цзы // Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М.: Мысль, 1995. С. 285–392.
14. Малявин В.В. Чжуан-цзы. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд. «Наука», 1985. 310 с.
15. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 9. С. 130–136.
16. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф.

Соч. 2 изд. Т. 13. С. 1–167.

17. Нейгебауер О. Точные науки в древности. – М.: УРСС, 2003. 240 с.
18. Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 173 с.
19. Омар Хайям. Рубайат в классическом переводе Германа Плисецкого [Электронный ресурс] // URL: http://bookz.ru/authors/haيام-omar/rubaiat_017/1-rubaiat_017.html.
20. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 272 с.
21. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. 592 с.
22. Розенфельд Б.А., Рожанская М.М., Соколовская З.К. Абу-р-Райхан ал-Бируни. 973–1048. – М.: УРСС, 2014. 272 с.
23. Розенфельд Б.А., Юшкевич Ю.П. Омар Хайям. – М.: Наука, 1965. – 192 с.
24. Рубин В.А. Идеология и культура древнего Китая (четыре силуэта) // Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 8–76.
25. Рубин В.А. Концепция человека у Сюнь-цзы // Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 77–81.
26. Рубин В.А. Отшельничество в оценке ранних конфуцианцев и легистов // Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1999. С. 88–92.
27. Семёнов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. – М.: УРСС, 2011. – 376 с.
28. Фигуровский Н.А. Химия в древнем Китае и ее влияние на развитие химических знаний в других странах // Из истории науки и техники Китая: Сб. статей / Под ред. И.В. Кузнецова (гл. ред.) и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 110–129.
29. Чжуан-цзы // Чжуан-цзы. Ле-цзы. – М.: Мысль, 1995. С. 57–284.
30. Юар П. и Ван М. К изучению древней китайской медицины // Из истории науки и техники в странах Востока: Сб. статей. – Вып. III. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 171–217.
31. The Lost Greek Arts of Isopsephia, Gematria, and the Sacred Geometry Story. URL: <http://www.jesus8880.com/chapters/gematria/intro.htm>.

References

1. Avicenna (Abu Ali ibn Sina). Rubai [E'lektronnyj resurs] // URL: <http://avicenna-sina.narod.ru/rubai.html>.
2. Berezkina E'.I. Matematika Drevnego Kitaya. – М.: KRASAND, 2010. – 312 s.
3. Biruni. Pamyatniki minuvshix pokolenij // Biruni. Izbrannye proizvedeniya. T.I. – Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1957. 488 s.
4. Bychenkov V.M. E'tatizm // Novaya filosofskaya e'nciklopediya [E'lektronnyj resurs] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_

philosophy.

5. Van der Varden B.L. Probuzhdayushhayasya nauka: Matematika Drevnego Egipta, Vavilona i Grecii. – M.: URSS. 2010. – 458 s.

6. Vasechko V.Yu. Utilitarnost' i sverxutilitarnost' kak parametry e'kzistencial'nogo samoopredeleniya uchenogo v e'tatistskom sociume // Gumanitarnye i social'no-e'konomicheskie nauki. 2017. № 2. S. 5–10.

7. Vasil'ev L.S. Kul'ty, religii, tradicii v Kitae. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 2001. 488 s.

8. Kiktenko V.A. Istoriko-filosofskaya koncepciya Dzhozefa Nide'ma: kitajskaya nauka i civilizaciya. – Kiev: NAN Ukrainy; Institut vostokovedeniya im. A. Krymskogo, 2008. 530 s.

9. Kitajskaya filosofiya: E'ncikl. slovar'. – M.: Mysl', 1994. 652 s.

10. Kniga pravatelya oblasti Shan. – M.: Lodomir, 1993. 392 s.

11. Konfucianstvo [E'lektronnyj resurs] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Konfucianstvo>.

12. Latov Yu.V. «Vostochnyj despotizm» K.A. Vittfogelya (k 50-letiyu «strannoj» knigi) // Istoriko-e'konomicheskie issledovaniya. 2007. T. 8. № 2. S. 8–37.

13. Le-czy // Chzhuan-czy. Le-czy. – M.: Mysl', 1995. S. 285–392.

14. Malyavin V.V. Chzhuan-czy. – M.: Gl. red. vost. lit. izd. «Nauka», 1985. 310 s.

15. Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2 izd. T. 9. S. 130–136.

16. Marks K. K kritike politicheskoy e'konomii // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2 izd. T. 13. S. 1–167.

17. Nejgebauer O. Tochnye nauki v drevnosti. – M.: URSS, 2003. 240 s.

18. Nizami Aruzi Samarkandi. Sobranie redkostej, ili Chetyre besedy. – M.: Izd-vo vost. lit., 1963. – 173 s.

19. Omar Xajyam. Rubajat v klassicheskom perevode Germana Pliseckogo [E'lektronnyj resurs] // URL: http://bookz.ru/authors/haiam-omar/rubaiat_017/1-rubaiat_017.html.

20. Petrov M.K. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1992. 272 s.

21. Plutarx. Izbrannye zhizneopisaniya: V 2 t. T. 1. – M.: Pravda, 1990. 592 s.

22. Rozenfel'd B.A., Rozhanskaya M.M., Sokolovskaya Z.K. Abu-r-Rajxan al-Biruni. 973–1048. – M.: URSS, 2014. 272 s.

23. Rozenfel'd B.A., Yushkevich Yu.P. Omar Xajyam. – M.: Nauka, 1965. – 192 s.

24. Rubin V.A. Ideologiya i kul'tura drevnego Kitaya (chetyre silue'ta) // Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1999. S. 8–76.

25. Rubin V.A. Koncepciya cheloveka u Syun'-czy // Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae: Sobranie trudov. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1999. S. 77–81.

26. Rubin V.A. Otshel'nichestvo v ocenke rannix konfuciancev i legistov // Rubin V.A. Lichnost' i vlast' v drevnem Kitae: Sobranie trudov. – M.: Izd. firma «Vostochnaya literatura», 1999. S. 88–92.

27. Semyonov Yu.I. Politarnyj («aziatskij») sposob proizvodstva: sushhnost' i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. – M.: URSS, 2011. – 376 s.

28. Figurovskij N.A. Ximiya v drevnem Kitae i ee vliyanie na razvitie ximicheskix znaniy v drugix stranax // Iz istorii nauki i texniki Kitaya: Sb. statej / Pod red. I. V. Kuznecova (gl. red.) i dr. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 110–129.

29. Chzhuan-czy // Chzhuan-czy. Le-czy. – M.: Mysl', 1995. S. 57–284.

30. Yuar P. i Van M. K izucheniyu drevnej kitajskoj mediciny // Iz istorii nauki i texniki v stranax Vostoka: Sb. statej. – Vyp. III. – M.: Izd-vo vost. lit., 1963. S. 171–217.

31. The Lost Greek Arts of Isopsephia, Gematria, and the Sacred Geometry Story. URL: <http://www.jesus8880.com/chapters/gematria/intro.htm>.

UDC 128:165.9

SCIENTIST IN THE POLITARY SOCIETY: RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL AND MEANING-OF-LIFE DISCOURSE

Vasechko Vyacheslav Yur'evich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Leading Scientific Employee,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Annotation

Process of life meaning' search may well be the subject of full categorical philosophical-scientific study despite of all the uniqueness of individual color and originality of life experiences of each individual scientist. General social conditions that characterize the status of a profession, determine the similar processes of personal existential discourse, and methods used by different individuals, and results. There are on hand substantially similarities between professional scientists in politary societies (ancient Egypt and Babylon, ancient and medieval India and China, medieval Arab-Muslim States). They give reasonable grounds to compare raising and resolving questions about the purpose and meaning of life, which perform men separated by thousands of miles, hundreds of years, as well as political, linguistic, religious and other barriers.

Key concepts:

politarianism, scientist, professional discourse, meaning-of-life discourse, Omar Khayyam.
